

составленъ въ одномъ сравнительно небольшомъ краѣ Русскомъ, въ Олонецкой губерніи.

Тѣмъ легче могъ онъ произвести на нѣкоторые умы впечатлѣніе тяжелое въ родѣ того, какое когда-то произведено было Ирландскими пѣснями въ переводѣ Макферсона, или Словомъ о полку Игоревѣ и какое до сихъ поръ на кое-кого производятъ пѣсни Краледворской рукописи, впечатлѣніе, ведущее за собою нерѣшимость простодушно довѣрять, что собранныя пѣсни суть дѣйствительныя произведенія народныя, а не подражанія имъ. Сомнѣніе зарождается и укореняется гѣмъ естественнѣе, чѣмъ менѣе противопоставлено ему преградъ; а при изданіи сборника г. Рыбникова не сдѣлано въ этомъ отношеніи почти ничего: нѣтъ ни отъ г. Рыбникова, ни отъ издателей никакихъ поясненій, которыми читатель могъ бы руководиться при обзорѣнн сборника, при оцѣнкѣ его достоинства. Еще было бы можно обойтись и безъ нихъ, если бы этотъ сборникъ былъ только сравнительно небольшимъ дополненіемъ къ прежде извѣстному: а тутъ явилась разомъ такая масса пѣснопѣній, что скорѣе какъ на часть ея самой можно было смотрѣть на все другое, дотолѣ изданное и собранное въ разныхъ краяхъ Руси. У г. Рыбникова готова или готовится объяснительная записка; но ея напечатаніе отложено до втораго тома — зачѣмъ? Мнѣ кажется, ею бы и надобно было начать первый томъ — гѣмъ болѣе потому, что въ нашей литературѣ нѣтъ еще ни одной записки ни о значеніи былинь въ народѣ, ни объ ихъ такъ называемыхъ «сказителяхъ», ни о томъ, какъ добиваться до того, чтобы они позволили записать былины со своихъ словъ и т. п. Будь эта записка на своемъ мѣстѣ, въ началѣ перваго тома Рыбниковскаго сборника, ясны бы стали, безъ сомнѣнія, и тѣ подстрочныя примѣчанія, которыя сдѣланы г. Рыбниковымъ при многихъ изъ пѣсенъ, равно и указанія лицъ, отъ которыхъ записаны былины, помѣщенные подъ былинами и въ краткомъ перечнѣ въ концѣ книги. Какъ бы то ни было, нельзя не желать, чтобы эта записка явилась въ печати поскорѣе. Пока считаю съ своей стороны долгомъ сообщить строки, написанныя по моей просьбѣ двумя изъ близко знакомыхъ съ г. Рыбниковымъ, людьми достойными довѣренности и внушающими полную довѣренность къ г. Рыбникову: одинъ изъ нихъ Д. В. Полѣновъ, корреспондентъ нашей Академіи, другой В. И. Модестовъ, учитель Петрозаводской гимназіи. — Вотъ что сообщилъ мнѣ Д. В. Полѣновъ:

«Кстати о Рыбниковѣ, сообщу вамъ давно обѣщанныя объ немъ свѣдѣнія. Изъ его рассказовъ я узналъ, что онъ собиралъ свои былины со всѣмъ инымъ путемъ, чѣмъ другіе собиратели и особенно Якушкинъ. Будучи происхожденія чисто Русскаго, купческаго, онъ еще

въ малолѣтствѣ слышалъ многія былины отъ своей няни, и счастливо удержалъ ихъ въ памяти, если не цѣликомъ, то въ главномъ содержаніи. Это послужило къ тому, что начавши спрашивать о своемъ предметѣ, самъ онъ, первый показалъ въ немъ знаніе, и тѣмъ съ разу внушилъ къ себѣ довѣріе. Такъ какъ онъ находится здѣсь на службѣ въ канцеляріи губернатора, то ему и случилось, выполняя служебное порученіе, поѣхать на востокъ Олонецкой губерніи. Онъ отправился не по почтовой дорогѣ, а водой, черезъ озеро (Онежское), съ западнаго берега на восточный. Проѣзжая большое пространство въ лодкѣ, Рыбниковъ познакомился какъ съ своими путеводцами, такъ и съ небольшимъ числомъ случившихся тутъ спутниковъ. Тѣ и другіе, рассказавши ему что знали, указали на другихъ сказителей (рассказчиковъ собственно былинь). Добравшись до главнаго изъ нихъ Леонтія Богданова, о которомъ и упоминается въ сборникѣ, Рыбниковъ получилъ отъ него свѣдѣніе еще о другихъ подобныхъ лицахъ. Эти еще указали на нѣкоторыхъ другихъ и т. д. Такъ онъ узналъ Рябинина и слѣпца Кузьму Романова, отъ которыхъ и собралъ наибольшее число былинь. Сказители бываютъ во всякомъ возрастѣ. По большей части они старики или по крайней мѣрѣ люди въ лѣтахъ: но есть и молодые: такъ на примѣръ сынъ Рябинина знаетъ почти всѣ былины, которыя рассказываетъ его отецъ. Былины эти напѣваются, но никогда хоромъ, а въ одиночку. Въ нихъ есть мѣста, гдѣ пѣніе прерывается, и рассказъ идетъ юворкомъ (речитативомъ).

«Рыбниковъ говоритъ, что эти сказители суть потомки древнихъ скомороховъ, тогда какъ пѣвцы духовныхъ пѣсенъ ведутъ свое происхожденіе — отъ каликъ. Тѣ и другіе пользуются въ народѣ большимъ уваженіемъ. По домамъ, т. е. въ домашнихъ собраніяхъ (по здѣшнему бесѣдахъ, по южному вечерницахъ) сказителей не бываетъ. Ихъ обыкновенно можно встрѣтить на постоялыхъ дворахъ во время деревенскихъ ярмарокъ, которыя здѣсь весьма значительны. Во время ихъ рассказовъ или распѣваній — скопляется толпа народа, который охотно ихъ слушаетъ. Распространенное у насъ мнѣніе, будто-бы эти повѣсти и пѣсни преимущественно можно услышать въ кабакахъ, совершенно неосновательно. Сказители принадлежатъ, почти безъ исключенія, къ быту крестьянскому и часто къ людямъ зажиточнымъ, и хотя пьютъ вино, но также какъ и мы съ вами и прочіе православные. Рыбниковъ увѣрялъ меня, что всѣ подробности, относящіяся до способа какъ собранія имъ былинь и пѣсенъ, такъ и до рассказа ихъ, помѣщены будутъ во II томѣ его сборника, который готовится къ изданію Безсоновымъ».

Не менѣе любопытны данныя, сообщенныя В. И. Модестовымъ.